

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
2. Томашевский Б. В. Источники стихотворений «Все мое – сказало злато» и «Глухой глухого звал» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1917. Вып. 28. С. 56–64.
3. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2006.

Н. В. Костюченкова

**Коллективизм vs. индивидуализм
в восприятии горизонтального пространства
носителями русского, английского и норвежского языков**

УДК 801.3

В статье выявляется роль «коллективного – индивидуального» в процессе концептуализации и формирования образа горизонтального пространства в сознании русского, английского и норвежского народов, а также их воплощение в языках данных этносов.

Ключевые слова: коллективизм, индивидуализм, личное, пространство, национальный характер, цвет, географическое положение, путь.

N. V. Kostyuchenkova. Collectivism vs. individualism in the perception of the horizontal space by native speakers of Russian, English and Norwegian

In the article under the question, it is analyzed the “collective – individual” influence upon the process of conceptualization and the image formation of the horizontal space in the mind of Russian, English and Norwegian speakers, and thus, their realization in the above-mentioned languages.

Key words: collectivism, individualism, private, space, national character, colour, geographical position, way.

Оппозиция «коллективное – индивидуальное» представляется одним из основополагающих факторов, оказывающих влияние на специфику пространственных представлений различных этносов.

Если говорить о носителях русского языка, то следует отметить, что дух *соборности, коллективизма* тесным образом соотносится с процессами освоения, собирания пространства.

Процесс освоения «русского» пространства протекал как процесс освоения лесных пространств, их окультуривания и превращения их в поле. Поле является одним из основных топосов России – этимология этого слова восходит к старославянскому *польти* и древнерусскому *палить*, что имело значение «выжженный лес» [2:39]. Наряду с равнинным топосом Поля, России присущ топос бескрайней Степи, что свидетельствует о важности «широкого» горизонтального пространства для русскоговорящего этноса. Значимость горизонтали для людей, проживающих на равнине, отмечает А. С. Молчанов: «...люди, росшие на равнине, но постоянно проживающие в лесной местности, часто отмечают, что отсутствие возможности наблюдать горизонт вызывает у них чувство тревоги» [12:38].

Процесс собирания пространства служил наиболее эффективным средством предотвращения нарушения пространственной целостности народа в результате набегов вражеских племен. А.С. Фролов называет данную особенность «категорическим императивом сохранения пространства» [15:90]. «Пространство России – пространство... потери пространственной определенности, индивидуальности» [21:29], что, возможно, послужило одной из причин принятия христианства (православия). Вместе с тем православие, объединяя многочисленные племена, способствовало целостности, широте, простору русской земли. В. С. Зуйков подчеркивает, что «ни один памятник литературы не содержит понятия «русский народ», везде присутствует лишь «русская земля» [6:62], т. е. можно говорить об объединении по территориальному признаку, что легло в основу специфики пространственных представлений русского народа «вширь». Н. Рязановский

поэтически описывает Россию: «Russia! What a marvelous phenomenon on the world scene! Russia – a distance of ten thousand versts in length on a straight line from the virtually central European river; across all of Asia and the Eastern Ocean, down to the remote American lands! A distance of five thousand versts in width from Persia...to the end of the inhabited world – to the North Pole! What state can equal it? How many states can match its twentieth, its fiftieth part?» [23:3].

Описывая особенности горизонтального пространственного восприятия русского народа, сложно отделить ось «вперед – позади» от оси «вправо – влево», поскольку, как отмечает Г. Д. Гачев, в русском пространстве «и движение вперед, и распаивание в стороны сопряжены» [3:219]. На это указывает и русский танец, в котором руки разводятся в стороны, и действие русского романа, которое идет не столько вперед, сколько вширь, захватывая новых героев и новые проблемы, и русская национальная игра «Кулачки» – стенка на стенку – «космическая игра открытого пространства, тучи и ветры собираются и гуляют по широку-чисту полю российскому» [5:90–91]. Само русское слово «пространство», обладающее исключительной семантической емкостью и являющееся однокоренным со «страной», «сторонкой», имплицитно подразумевает простор, размах, открытость, вперед, вширь, т. е. подразумевает неразделенность осей «вперед – позади», «вправо – влево».

Простор пространства горизонтали, его «растекание по сторонам» имплицитно и в семантике такого слова русского языка, как «окрестность», заключающее в себе религиозный подтекст.

Ощущение простора, присущее архитектуре новгородского храма, также свидетельствует о нераздельном восприятии двух горизонтальных осей носителями русского языка: здание «создавало впечатление силы, мощи и монументальности; помещения приобрели более гармоничные и благородные пропорции, рождающие ощущение простора» [1:14]. Кроме того, существенен тот факт, что где бы ни было построено здание, оно органически сливалось с окружающим пейзажем в единый ансамбль: «благородные, простые и мощные объекты строения новгородцев, полностью и гармонически сливаясь с приро-

дой, рождали те прекрасные композиции, которыми русская архитектура выделяется в среде архитектуры других народов» [1:16].

По словам Д. С. Лихачева, для русских природа всегда ассоциировалась со свободой, волей: «...воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест..., иметь возможность двигаться в разные стороны...» [10:9]. Отсюда и одна из характерных особенностей расположения русских городов на высоком берегу реки (Великий Новгород, Великий Устюг, волжские города), он виден издали и как бы «втянут в движение реки», что рождает ощущение родного простора [10:39].

Наконец, с представлением о широком, бескрайнем пространстве связаны черты русского национального характера. С. Медведев подчеркивает, что, говоря о русском физическом пространстве, часто подразумевают русский дух (“spirit”) или душу (“soul”) [21:11]. Е. Хеллберг-Хирн указывает на существование в сознании русских идеализированного представления о национальной душе как о широко открытой («wide-open») и апеллирует к таким свойствам широкой души, как щедрость, искренность, гостеприимство, беспредельная доброта и безрассудство, что приводит к периодическому нарушению социального табу и правил: супружеской неверности, бесшабашной езде [20:56]. А. В. Кокин имеет подобную точку зрения: «В числе наиболее часто воспроизводимых черт русского характера обычно называют: гостеприимство, хлебосольство..., доброту, широту души..., щедрость...» [9:51].

Интересен тот факт, что ни в Норвегии, ни Великобритании при описании души не применим эпитет «широкая» – в норвежском по отношению к душевным качествам употребляются *flott, generøs, raus* «щедрый, роскошный, импонирующий»; в английском – *generous* «щедрый».

Н. В. Уфимцева, говоря о «коллективизме» русского языкового сознания, акцентирует внимание на том факте, что оно направлено не на себя, а другого человека, прежде всего друга, и определяет его как «другоцентрическое» [14:157].

Авторы одного из сайтов, содержащих информацию о специфике пространственного менталитета различных народов, ассоциируют особенности восприятия пространства с цветовыми оттенками. Так, «бесцветность, серость, естественность, непроявленность русского пространства соотносятся с представлениями о слитности, безраздельности, незавершенности» [27], т. е. неяркие, естественные цвета олицетворяют коллективизм и широкое, безграничное пространство (ср.: естественные тона деревенских изб и храмов – цвет дерева). Напротив, стремление норвежцев к созданию уютного, компактного, *индивидуального* пространства выражается в его украшении – раскрашивании яркими красками: «Яркие краски норвежского дома подчеркивают неповторимую индивидуальность его владельца, выражают общий настрой норвежского менталитета на завершенность, отдельность, выделенность, конечность» [27].

На *индивидуализм* носителей норвежского языка указывают и сами географические условия страны: «...люди разделены фьордом, горой и морем, поэтому сознание каждого человека представляется отдельным королевством, существующим само по себе» [18:7]. Ф. Кастберг, говоря о творчестве великого норвежского драматурга Г. Ибсена, отмечает тот факт, что автор связывает особенности норвежского ландшафта с душевным состоянием людей. Он описывает в своих пьесах трагические судьбы персонажей на фоне мрачного пейзажа: «Темнота – цвет души норвежца, которая занята болезненным самозерцанием» [18:6]. Рассеянные по пространству дома способствуют разобщенности людей, их уединенному образу жизни. Следовательно, для носителей норвежской культуры широта пространства, а значит и ось «влево – вправо», представляются менее релевантными, чем для носителей русского языка.

Уединение, одиночество присущи также и англичанам, в частности, по причине географического положения Великобритании. Однако здесь *индивидуализм* носит несколько иной характер по сравнению с норвежским индивидуализмом. Англичанам свойственна скорее не замкнутость, а единоличность: «Английская береговая линия повлияла как на историю нации, так и на психологию английского характера. С детства присутствующее в подсознании знание о том, что между

англичанами и иностранцами простирается широкое водное пространство, породило чувство отделенности, обособленности, легко перерастающее в превосходство» [25:8]. Эгоизм, самоуверенность, нетерпимость к чужакам, независимость, сильная вера в частную собственность – психологический портрет англоговорящего [25:8].

Иными словами, в отличие от русскоговорящего, для которого «личное, социальное, мировоззренческое, сакральное и природное увязывалось в единое целое» [2:43], в представлении англичанина, как указывает С. Медведев, *личное* и *общественное* пространства сильно демаркированы [21:11]. На этот факт указывает и специфика дизайна дома, а также особенности территории вокруг дома. Е. Камкина и М. В. Пименова пишут, что английский дом обычно занимает место вглубь усадебного пространства, вдали от дороги. Пространство между дорогой и домом обычно занимает лужайка или газон. Дом окружен сплошным забором (обычно каменным) или живой изгородью, исключая проникновение постороннего взгляда и тем самым указывающим на предел личного пространства. Что касается русского дома, то его типичное расположение у дороги, при этом окна выходят на улицу. Русский дом обносится забором, однако этот забор позволяет видеть все, что происходит за ним, т. е. «скрывать» не является функцией русского забора – для русского важна жизнь *в коллективе* [7:44]. Кроме того, вслед за Г. Д. Гачевым, можно добавить, что английский национальный вид спорта бокс (букв. «коробка, ящик»), предполагающий соревнование один на один в ограниченном пространстве, отражает склонность к *индивидуализму*, единоличности представителей английской нации [5:90].

Итак, можно говорить о том, что для носителя английской культуры также, как и для представителя норвежского этноса, образ горизонтального пространства представлен, прежде всего, осью «впереди – позади», в частности, в силу особенностей психологических черт английского характера, имеющих отношение к восприятию «узкой», ограниченной территории. Что касается России, то, как справедливо отмечает Г. Т. Койшыбаев, «своеобразием русской культуры считается не включенность ее в какую-либо широкую культурную зону, а конституирование ее самой в особую культурную зону» [8:16]. Дей-

ствительно, из трех рассматриваемых стран только в отношении России возможен анализ горизонтального пространства в целом, без особого разделения его на оси «вперед – назад» и «влево – вправо».

Если же пристальному анализу подвергнуть непосредственно образ самой оси «вперед – назад», то, несомненно, на первый план выходит концепция «пути», играющая, согласно «Мифам народов мира», особую роль в мифопоэтических представлениях этносов. Концепт *путь* изначально предполагает противопоставление «свое – чужое», т. е. тяготеет к идее некоей «индивидуальности», «сакральности», «внутреннего я», поскольку человек преодолевает свой «собственный» жизненный путь со всеми его взлетами и падениями. Авторы энциклопедии говорят о двух видах горизонтального пути: во-первых, о пути к «сакральному центру», когда высшее благо обретается постепенным к нему приближением (своя страна – город – его центр – храм – алтарь); во-вторых, о пути к «чужой периферии», мешающей соединению с сакральным центром (дом – двор – поле – лес, болото – яма, колодец, пещера – иное царство) [11:352].

В религии запечатлено несколько образов пути. Прежде всего, следует упомянуть Крестный Путь Христа на Голгофу, связанный с искуплением человеческого греха (отсюда «путь к Господу», «путь жизни, правды, милосердия» – «узкий путь». Кроме того, существует «путь греха, беззакония, лжи, зла» – «широкий путь»).

«Путь в горизонтальном пространстве стал той осью, на которой создавались различные эпические формы народной словесности (прежде всего сказка)» [11:341]. В сказке выражены два вида пути (туда и обратно) в горизонтальном пространстве: герой отправляется в «чужое пространство», где концентрируются злые силы, преодолевая трудности во время всего пути. Победа героя заключается в освоении «чужого пространства», приобщении его к *своему*, «культурному», и возвращении домой. Поскольку фольклорные тексты имплицитно обобщенное в языковом сознании этноса представление о картине мира, то в качестве примера, иллюстрирующего путь героя, можно привести сборник сказок Му и Асбьернсена (например, «Dukken i Gresset»: “...og så drog de da ut i verden og skulle lette etter koner” – повторяется несколько раз) [24:61–62]. Другим примером,

иллюстрирующим немаловажную роль образа пути в представлении норвежцев, может служить литературный жанр поэзии скальдов (странствующих рыцарей), воспевавшей героические походы и подвиги викингов.

Говоря о пространственных представлениях норвежского народа, нельзя не признать значимость для него моря, в силу географического положения Норвегии и основного рода занятий – рыболовства; поэтому путь в горизонтальном пространстве соотносится, прежде всего, с водой. В. Шубарт подчеркивает, что образ русского моря связан с простором, ширью, непрерывностью [27], что, по-видимому, нельзя сказать о норвежском море, вдоль побережья, рассеченного бесчисленными фьордами, шхерами и островами, что также способствовало укоренению «индивидуализма» в сознании скандинавов. «Скалистые берега этой страны изрезаны длинными и глубокими фьордами; они уходят вглубь берега на сто и более километров, сложно разветвляются и часто напоминают крону кактуса; к берегам фьордов... примыкают острова и островки, шхеры и одиноко торчащие из воды скалы» [13:3]. Понятно, что здесь «негде развернуться душе», и рыбаки вынуждены лавировать между островами и шхерами: “veien gikk nord//veien gikk sør” [17] («путь на север, путь на юг»); «для бродячего охотника или рыболова – это путь, трасса его кочевок: он воспринимает пространство динамически, двигаясь через него (espace itinérant)» [11:340–342], поэтому горизонтальному пути присущ образ «кривизны». Значимость горизонтального пути для норвежцев находит отражение в языке: часто употребляется постверб *bort* для обозначения движения по горизонтали (в отличие от русского и английского языков, в которых нет эквивалента *bort*). Иными словами, образ пути, являясь неотъемлемой частью восприятия пространства норвежцами-индивидуалистами, представляется извилистым, петляющим. О наличии ярко выраженного индивидуализма в норвежском сознании также свидетельствует одна из достопримечательностей Норвегии – знаменитый ряд деревянных домов в Бергене, построенных несоответственно традиционному образцу [22:7]. Такой ряд выглядит непривычно, особенно уникально в стране с преобладающим горным ландшафтом.

Что касается отражения образа пути в представлениях о пространстве носителей английской культуры, то, прежде всего, следует отметить наличие большого количества сказок – как народных (баллад, легенд), так и авторских, в которых ось «впереди – позади» играет главенствующую роль («Баллада о Робин Гуде», «Легенда о короле Артуре», «Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла, «Ветер в ивах» К. Грэхема). Само слово *space*, как отмечалось ранее, предполагает интуицию шагания (от лат. *spatior* «шагать») [3:219; 4:27], т. е. пространство мыслится «рубленным», «дискретным». На этот факт указывает также значимость топоса «Лес» для англичан, т. е. «неоднородность» (ср.: «широкое Поле», «Степь» для русскоговорящих). Так, во многих произведениях народного и авторского творчества действие происходит в лесу – «Легенда о Робин Гуде», «Сказки дядюшки Римуса» Д. Гарриса, «Винни-Пух» А. Милна (ср. также стихотворение Р. Фроста: «Whose woods these are I think I know// ... // ... // To watch his woods fill up with snow// ... // ... // Between the woods and frozen lake...// The woods are lovely, dark and deep// But I have promises to keep,// And miles to go before I sleep...») [19]). *Space* имплицитно устремление вперед, линейность, а значит в какой-то степени «индивидуализм».

Таким образом, во-первых, образ пути в английской картине мира представляется как прямая, устремленная к горизонту; во-вторых, само образование английской нации, включающей в себя такие этапы, как римское, англо-саксонское завоевания, походы викингов, нормандское завоевание, по сути своей предполагающие продвижение, стремление вперед, говорят об определяющей роли оси «впереди – позади» в картине мира современного англичанина. К этому списку надо добавить Столетнюю войну и войну Роз, многочисленные крестовые походы и связанный с ними кочевой образ жизни формирующейся нации.

В английском языке представлен большой набор средств, описывающих местоположение и движение по оси «впереди – позади»: *ahead* (статичное и динамичное), *toward* (динамичное), *back* (статичное и динамичное), *behind* (статичное), *beyond* (статичное), *in front of* (статичное), *backward* (динамичное), *forward* (динамичное), *forth* (ди-

намичное). Кроме того, следует отметить факт наличия в английском языке двух слов, выражающих концепт «путь» – *road* с прямым значением и *way* с переносным. Этот факт указывает на отделение сакрального, мифологического от обыденного, реального.

В русском восприятии пространства образ пути-дороги также занимает одно из центральных мест. Так, С. Медведев в своем очерке «A General Theory of Russian Space» сравнивает бесконечные дороги России с Царь-пушкой, из которой никогда не стреляли, и с Царь-колоколом, который никогда не звенел: “...the longest roads which lead nowhere” [21:16]. На наличие большого числа дорог в России указывают произведения устного народного творчества, в которых запечатлен образ пути («Гуси-лебеди», «Три царства – медное, серебряное и золотое», «Иван-царевич и серый волк» и др.), а также поэтического творчества («Слово о полку Игореве», «Хождение за три моря» А. Никитина).

Как уже отмечалось, православие сыграло важнейшую роль в восприятии пространства русским народом, оно стало «центром притяжения, аккумулировавшим национальное самосознание Древней Руси» [6:53]. А. С. Фролов отмечает, что для русской культуры «божественное есть такая сила, которая удерживает мир от распада, энтропии, движения к небытию. Именно поэтому заросшая дорога к храму есть начало движения к хаосу». Кроме того, автор подчеркивает тот факт, что когда народ хочет похвалить свою нацию, он обращается к своему национальному идеалу. Так, француз говорит о «прекрасной Франции», англичанин о «старой Англии», а русский – о «Святой Руси» [15:177]. Идеал святости русской православной души породил тип русского человека «скитальца-странника»: русский народ строил свою историю в соответствии со Священной историей, будучи уверенным в существовании земли Обетованной – «преображенного пространства Царства Небесного на земле». Поэтому смысл обретения Святой земли состоял в ее поисках – странствованиях по земле. «Святое царство уже реально существует на земле в готовом, завершеном виде, и для его достижения достаточно совершить паломничество в эту Святую землю» [27]. На этот факт указывают и авторы книги «The Russian Mentality», утверждая, что Рай надо искать,

двигаясь не в вертикальном направлении, а по горизонтали – «можно достигнуть небес и приобрести духовное совершенство путем странничества (wandering)» [26:29].

Г. Д. Гачев приводит рассказ князя А. Курбского, проясняющий, почему в России не прижился бы протестантский вариант христианства (в отличие, например, от Норвегии). Иван IV не внял уговорам европейца Максима Грека не ехать в Белоозеро для молитвы (в выполнение обета, данного им во время болезни), а совершать богоугодные дела, оставаясь на месте. Если «бесконечность и “там” располагаются вдаль – то к ним надо идти...» [4:215]. Е. С. Яковлева указывает на наличие в древнерусском языке сочетаний *ходити в вере/в истине* [16:271].

По мнению Г. Д. Гачева, помимо пути русское пространство характеризуется такими архетипами, как «берег», «порог», «канун», причем «берег» воспринимается не как приплытие, а как отплытие; «порог» – не как приход, а как выход из дома в путь-дорогу; «канун» же олицетворяет ожидание душой главного события, символически она может быть изображена в виде вектора «вперед» [5:308].

Отплытие, выход из дома в путь-дорогу свидетельствует о том, что архетип «далеко» также соотносится с русским «коллективным пространством». Так, Д. С. Лихачев утверждает, что «колокольный звон должен быть слышен как можно дальше», и когда вешали новый колокол на колокольню, посылали людей выяснить, как далеко его слышно [10:11].

Н. В. Уфимцева, говоря о наиболее важных реалиях с точки зрения русских, указывает на «дом», «жизнь», «друга», «дело», «день», «любовь», «работу», «дорогу», «разговор» и добавляет, что «в ядре русского языка присутствуют следующие пары признаков: хорошо – плохо, большой – маленький, близко – далеко» [14:157]. Поэтому ясно, что концепт «путь» является важным для носителей русского языка.

По словам Е. С. Яковлевой, в древнерусском языке «смысловый диапазон слова *путь* простирался от конкретно-пространственного, близкого значению современной *дороги* до такого абстрактного, как «повод, причина» [16:268] в силу единства материального и идеального в сознании русского народа. В современном русском языке кон-

кретное значение противопоставлено абстрактному – *дорога* объективно существует в физическом пространстве, *путь* включает в себе смысловой перенос характеристик реального объекта на умозрительное его представление, не имеющего конкретной пространственной локализации (ср. английские *road* и *way*).

Таким образом, географическое положение России, величина ее территории, «дух равнинного ландшафта», православное мировоззрение сформировали концепцию «широкого» русского пространства в отличие от идеи «ограниченного», «замкнутого» пространства, запечатленного в сознании носителей норвежского и английского языков. Образ пути является одним из первостепенных в восприятии горизонтального пространства указанными этносами. Однако представления его специфичны, в конечном итоге восходя к оппозиции «коллективное – индивидуальное».

-
1. Бирзите Л. Развитие национальных форм в архитектуре Московского Кремля. Рига: Латвийское гос. изд-во, 1954.
 2. Большаков В. П., Володина Т. В., Выжлецова Н. Е. Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. В. Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.
 3. Гачев Г. Д. Европейские образцы пространства и времени // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 198–227.
 4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.
 5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: ДИ-ДИК, 1999.
 6. Зуйков В. С. Формирование культурно-мифических архетипов русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.
 7. Камкина Е., Пименова М. В. Личное пространство и менталитет народа // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. Кемерово, 1999. Вып. 3. С. 41–45.
 8. Койшыбаев Г.Т. Евразия – особый культурно-языковой мир. М.: Правда, 1994.

9. Кокин А. В. Тип русского национального характера // Бренное и вечное. Проблемы функционирования и развития культуры. В. Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. Вып. 3. С. 51–52.
10. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: Советский писатель, 1981.
11. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1, 2.
12. Молчанов А. С. Когнитивная и эмоциональная оценка природных ландшафтов. М.: Прогресс, 1996.
13. Никитин М. В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика. М.: Высш. школа, 1983.
14. Уфимцева А. А. Доминанты образа мира современных русских // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира»: сборник материалов. М.: МГУ, 1997. С. 157–158.
15. Фролов А. С. Философско-религиозные основы русской культуры: дис. ... докт. филос. наук. М., 1995.
16. Яковлева Е. С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 268–276.
17. Blom K. Delta. Oslo, 1996.
18. Castberg F. The Norwegian way of life. Melbourne, London, Toronto, 1954.
19. Frost R. Stopping by woods on a snowy evening // Практический курс английского языка. Курс 3. М., 1999. С. 352–353.
20. Hellberg-Hirn E. Interpreting ambivalent spaces // Beyond the limits: the concept of space in Russian history and culture. Helsinki, 1999. P. 50–71.
21. Medvedev S. General theory of Russian space // Beyond the limits: the concept of space in Russian history and culture. Helsinki, 1999. P. 15–49.
22. Nordhagen P.J. Den store trebyen. Bergen, 1992.
23. Riasanovsky N.V. A history of Russia. Oxford, 1993.
24. Strandskogen Å.-B. og R. Norsk for utlendinger–2. Oslo, 1991.
25. The English world. London, 1982.
26. The Russian mentality / ed. by A. Lazary. Katowice, 1995.
27. Сайт. URL: <http://www.topos.ru/articles/0203/04-10.shtml>